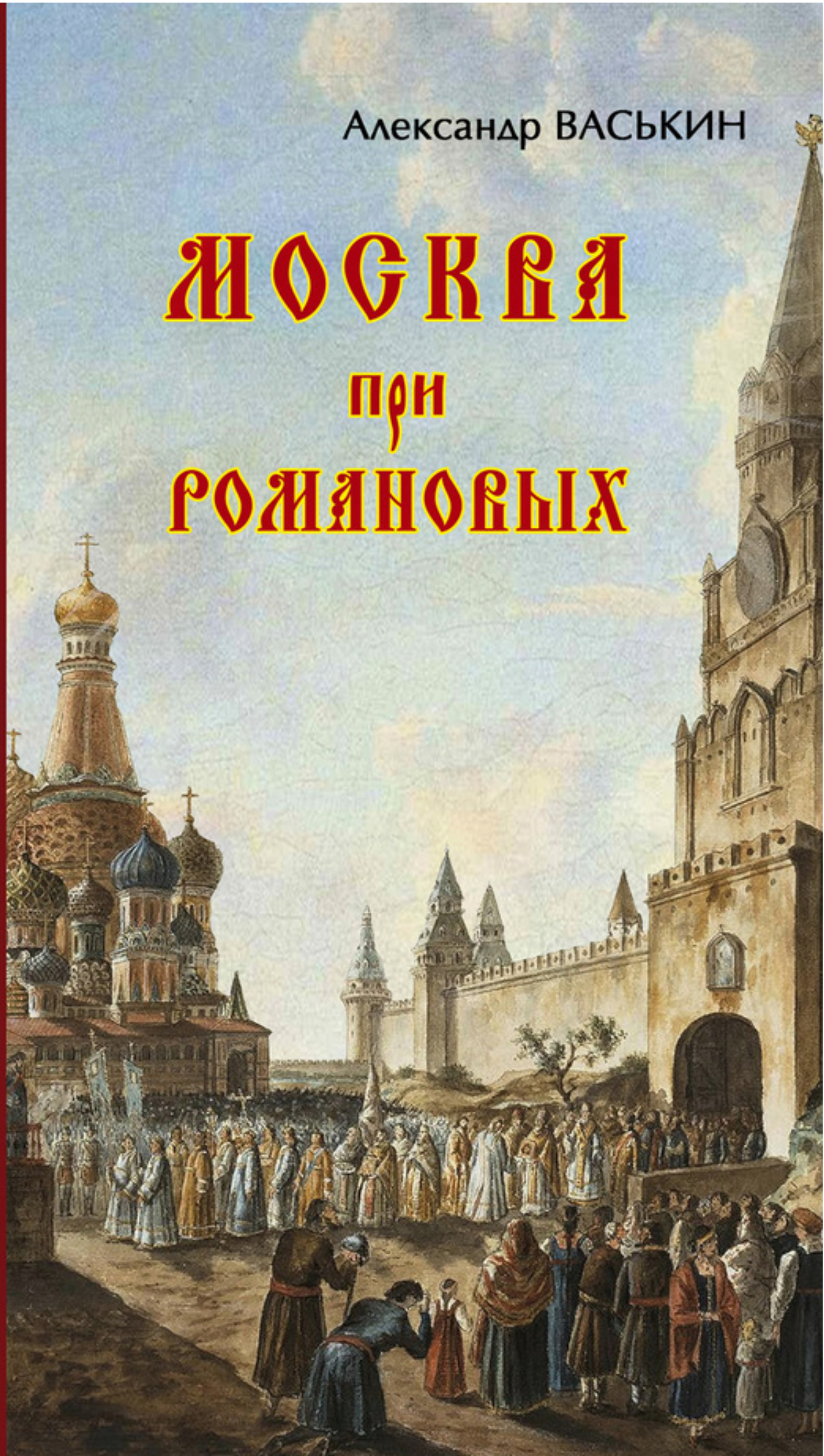

К 400-летию царской династии Романовых

Александр ВАСЬКИН

МОСКВА при РОМАНОВЫХ

Александр Васькин

**Москва при Романовых.
К 400-летию царской
династии Романовых**

«Автор»

2013

Васькин А. А.

Москва при Романовых. К 400-летию царской династии Романовых
/ А. А. Васькин — «Автор», 2013

Впервые за последние сто лет выходит книга, посвященная такой важной теме в истории России, как «Москва и Романовы». Влияние царей и императоров из династии Романовых на развитие Москвы трудно переоценить. В то же время не менее решающую роль сыграла Первопрестольная и в судьбе самих Романовых, став для них, по сути, родовой вотчиной. Здесь родился и венчался на царство первый царь династии – Михаил Федорович, затем его сын Алексей Михайлович, а следом и его венценосные потомки – Федор, Петр, Елизавета, Александр... Все самодержцы Романовы короновались в Москве, а ряд из них нашли здесь свое последнее пристанище. Читатель узнает интереснейшие исторические подробности: как проходило избрание на царство Михаила Федоровича, за что Петр I лишил Москву столичного статуса, как отразилась на Москве просвещенная эпоха Екатерины II, какова была политика Александра I по отношению к Москве в 1812 году, как Николай I пытался затушить оппозиционность Москвы и какими глазами смотрело на город его Третье отделение, как отмечалось 300-летие дома Романовых и т. д. В книге повествуется и о знаковых московских зданиях и достопримечательностях, связанных с династией Романовых, а таковых немало: Успенский собор, Новоспасский монастырь, боярские палаты на Варварке, Триумфальная арка, Храм Христа Спасителя, Московский университет, Большой театр, Благородное собрание, Английский клуб, Николаевский вокзал, Музей изящных искусств имени Александра III, Манеж и многое другое... Книга написана на основе изучения большого числа исторических источников и снабжена именным указателем. Автор – известный писатель и историк Александр Васькин.

© Васькин А. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Первопрестольный град Москва – родина царской династии Романовых	6
Истоки династии: начиналось все с Кобылы...	10
Успенский собор Кремля как символ начала царствования Романовых	13
Родовые палаты Романовых на Варварке	18
Измайлово: «Как знаменита была когда-то эта вотчина!»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Анатольевич Васькин

Москва при Романовых

К 400-летию царской династии Романовых

Первопрестольный град Москва – родина царской династии Романовых

Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принес и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданным. Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царем. И так слился и стал одно-едино с подвластным повелитель, что нам всем теперь видится всеобщая беда – государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него, или подданный позабудет своего государя и от него отрешится. Как явно тоже оказывается воля бога – избрать для этого фамилию Романовых, а не другую! Как непостижимо это возведение на престол никому не известного отрока!

Н.В. Гоголь, «О лиризме наших поэтов»

1613 год стал не только началом царствования новой российской династии. Значение сего факта гораздо более весомо и выходит за рамки конкретного исторического периода, превращая его в поворотную точку всей ИСТОРИИ России. По сути,

Романовы стали первой истинно московской династией. Ведь не будем забывать, что князь Рюрик Варяжский, потомки которого правили на Руси с 862 года, был совершенно иного, нерусского, иноземного, происхождения (а уж точное место его рождения и вовсе неизвестно). Чего не скажешь о Романовых – даже не та или иная усадьба или обитель, а сама древняя Москва была их родовой вотчиной. В Первопрестольной родился и первый царь из династии Романовых – Михаил Федорович, и его сын Алексей Михайлович, и его венценосные внуки и правнуки – Софья, Федор, Иван, Петр, Елизавета, Александр...

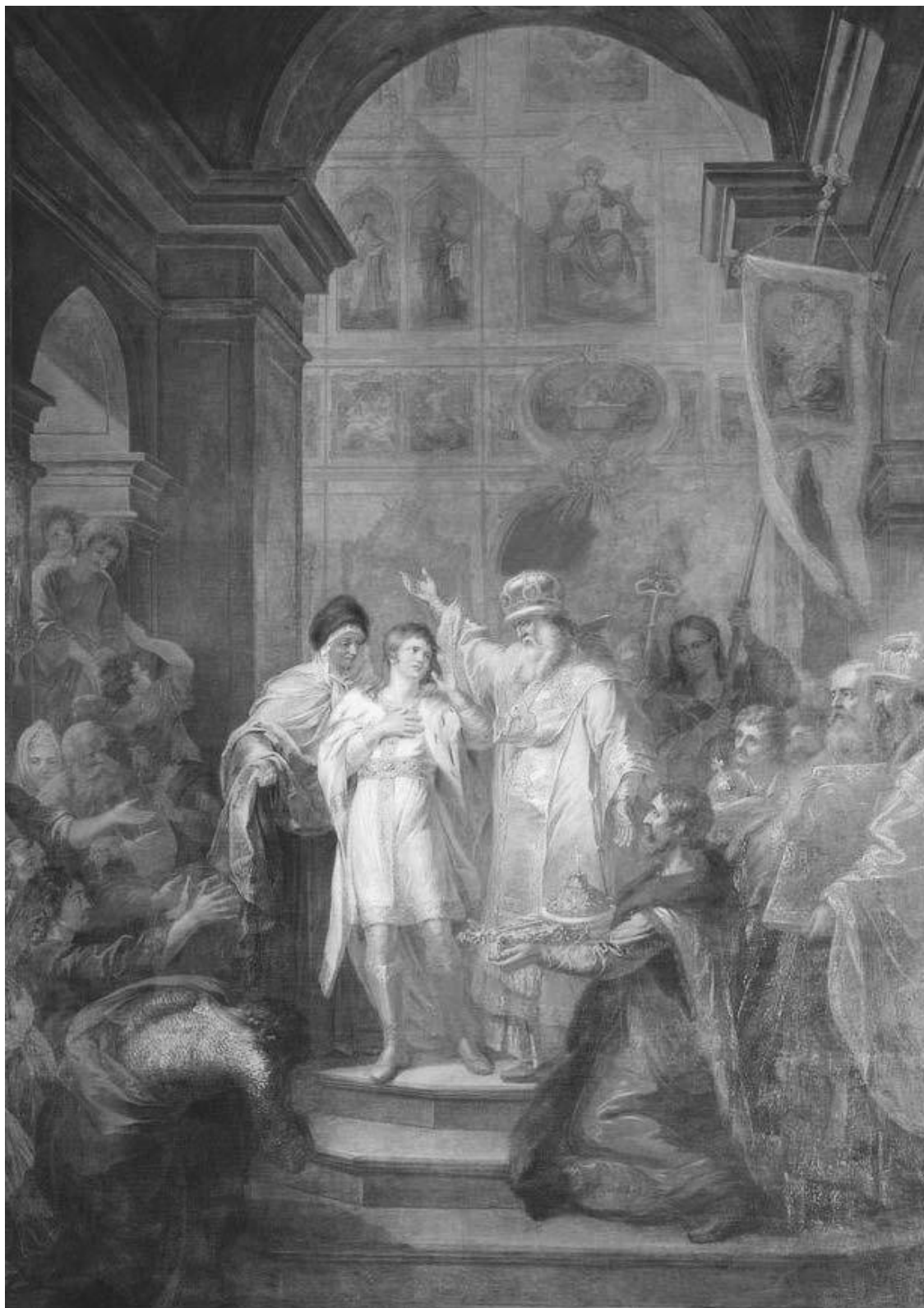
Призвание боярского рода Романовых на царство в противовес тем, кто в 1613 году вновь было пытался посадить на кремлевский трон варягов, означало окончательное самоопределение различных элит российской власти, продемонстрировавших свою решимость поступиться личными местническими интересами ради прекращения кровопролитной смуты и окончательного «собрания» страны. Речь шла о **спасении** государства.

Можно только представить, какой тяжелейший груз лег на плечи шестнадцатилетнего Михаила Романова, наделенного в 1613 году не только атрибутами царской власти (среди которых были и шапка Мономаха, и держава со скипетром), но и взвалившего на себя огромную ответственность ради возрождения разоренной страны. Имелось и еще одно важнейшее обстоятельство: первые шаги юного царя должны были восстановить доверие к московской власти, утраченное за годы Смутного времени, когда один за другим предъявляли претензии на власть самозванцы всех мастей – Лжедмитрий I, II, III...

В том далеком 1613 году Михаилу Романову предстояло стать и главой династии, которой суждено было властвовать на протяжении последующих трех столетий. Немало побед и поражений пережила Россия под царской короной Романовых. Но эти три века превратили Московское царство в Российскую империю – мощную державу с самой большой территорией в мире, способную взять под защиту не только собственное население, но и братские славянские народы. А к 1913 году Россия стала сильнейшей экономической державой.

А что же Москва? Какую роль сыграл наш древний город в этой истории? Москва впитала в себя саму суть государствообразующих процессов романовского царствования, пожертвовав своим столичным призванием ради прогрессивного развития страны. Судьбоносные вехи создания Российской империи отражались на Москве незамедлительно и чрезвычайно сильно. Так, реформы Петра Великого привели к тому, что на берегах Невы возник новый город, провозглашенный столицей империи. Но даже перенос столицы в Санкт-Петербург не разорвал кровной связи Романовых с Москвою. Эта связь стала еще более крепкой, приобретя метафизический характер. Не Санкт-Петербург, а Москва была настоящим сердцем империи, которое неоднократно пытались поразить недруги России (недаром именно на Москву двинул свою армию Наполеон).

В книге пересекутся две главных линии повествования: роль Москвы в судьбе императорского дома Романовых и участие царской династии в развитии и строительстве Первопрестольной.

*Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года.
Худ. Г.И. Угрюмое.
Не позднее 1800 г.*

В Московском Кремле. Худ. А.М. Васнецов

Истоки династии: начиналось все с Кобылы...

*Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.*

А. С. Пушкин, «Борис Годунов»

Начиная повествование о более чем трехсотлетнем пребывании Романовых у власти, кратко расскажем о том, откуда пошел их род, тем более что они вполне могли занять трон гораздо раньше – сразу после смерти царя Федора Иоанновича, последнего из рода Рюриковичей обладателя высшей власти в Московском царстве. Но обо всем по порядку.

Московские бояре Романовы вели свою родословную от Андрея Ивановича Кобылы, приближенного Ивана Калиты. Еще более древним предком считался у них знатный владетель прусский Гланд Камбил. До начала XVI века Романовы именовались Кошкиными (от прозвища пятого сына Андрея Кобылы – Федора Кошки), затем Захарьиными и Юрьевыми. Род Романовых-Юрьевых слыл среди княжеской знати «худородным».

Романовы (так или иначе) всегда находились рядом с властью, но это не значит, что царствовать в России им было предназначено судьбой. Подносить блюда на стол государю – это одно, а вершить судьбы государства за спиной царя – это совсем другое. Да к тому же, вокруг царского трона подобных охотников всегда толпилось во множестве.

Например, один из представителей рода – Михаил Захарьин, входил в опекунский совет при малолетнем Иване IV, пытаясь оказывать на него влияние. Но помимо Захарьина были и другие амбициозные опекуны – Воронцов, Шуйский, Глинский и другие...

Счастливый случай наступил, когда молодой Иван IV решил жениться, для чего на устроенный конкурс свезли невест со всей страны. В итоге, к удивлению многих, царь выбрал в жены уже знакомую ему с детства видную и статную Анастасию Захарьину, племянницу того самого Михаила Захарьина и дочь окольничего Романа Захарьина. Венчание состоялось в феврале 1547 года.

«Не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже необходимою принадлежностью счастливой Царской невесты», – писал Николай Карамзин¹.

И ведь что примечательно, родовитые бояре в штыки встретили выбор царя, расценив это как оскорбление: дескать, «их всех (великородных бояр) государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочь взял, понял рабу свою, и нам как служить своей сестре?»²

Подковерная борьба между возвысившимися Романовыми и прежним окружением Ивана Грозного не прекращалась. И неудивительно, что одной из причин ранней смерти царицы Анастасии в 1560 году называется отравление, так полагал и сам царь: «А и с женою

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 8. М. 2006. С. 621.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М. 2001. С. 39–45.

меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было», – писал он Курбскому³.

К тому времени Романовы уже успели укрепиться у кормила власти, искусно направив гнев скорбящего Ивана Васильевича против своих политических противников. И вновь полилась кровь на Лобном месте.

Второй и скорый брак Грозного еще больше укрепил положение Романовых, братьев покойной царицы – Данилы и Никиты, набравших большую силу в Ближней думе.

Никита Романов (а полное его имя звучит так – Никита Романович Захарьин-Юрьев) пользовался особым доверием подозрительного и мнительного Ивана Васильевича, что демонстрирует его недюжинные политические способности, т. к. даже более близкие родственники царя не избежали смерти. Ему была оказана высочайшая монаршая милость – боярин Никита Романов ходил с царем в «мыльню», по-нашему, в баню.

Сын Никиты, Федор Романов приходился двоюродным братом царю Федору, сыну Ивана Грозного. А посему после смерти своего тезки он имел гораздо больше прав на царский престол, чем Борис Годунов, бывший всего лишь шурином царя Федора. Расценивая присутствие такого сильного конкурента (и законного претендента на власть) как огромную для себя опасность, Годунов решил известить Романовых. самого Федора Романова насильно постригли в монахи, как и его жену Аксиныю. А из всех братьев Романовых в итоге в живых осталось лишь двое – Федор и Иван (в истории России он известен под прозвищем Иван Каша).

Сыном Федора Никитича и был первый русский царь из династии Романовых – Михаил Федорович. В дальнейшем судьба Федора Никитича сложилась следующим образом: из монастыря, куда его под именем монаха Филарета сослал Борис Годунов, его вернул Лжедмитрий I, сделав затем митрополитом Ростовским. При Лжедмитрии II он стал уже патриархом Филаретом и главой тушинского правительства.

Свою историческую роль патриарх Филарет сыграл в 1610 году, когда в составе русского посольства отправился к польскому королю Сигизмунду, дабы окончательно договориться о призвании его сына Владислава на русский престол. Однако, увидев, что Сигизмунд сам желает занять московский трон в нарушение ранее достигнутых договоренностей, Филарет сделал все для того, чтобы этого не допустить. В ответ в апреле 1612 года поляки арестовали Филарета и других послов, отправив их в Польшу. Вернулся Филарет из польского плена лишь в 1619 году, когда его сын Михаил Федорович уже шесть лет правил государством.

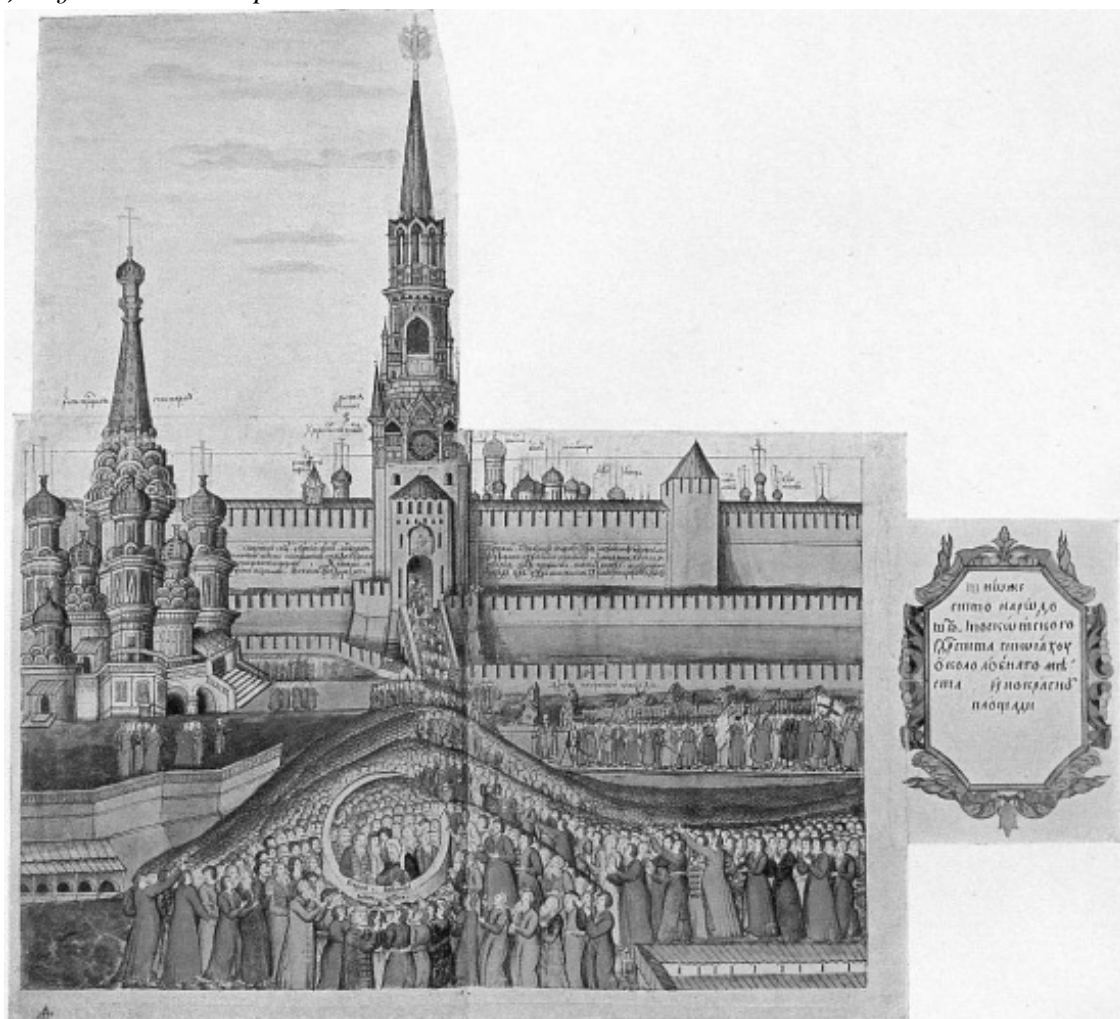
С большой долей вероятности можно утверждать, что не будь Филарет в плену во время Земского собора 1613 года, он и сам мог быть провозглашен первым «природным царем» из рода Романовых.

---

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. 1979. С. 135.

Избрание Михаила Федоровича на царство (Призвание Михаила Федоровича на царство). Худ. М.В. Нестеров. 1886 г.

*Избрание Михаила Федоровича на царство 21 февраля 1613 года.
Из книги «Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича». 1913 г.*

Успенский собор Кремля как символ начала царствования Романовых

*Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ.*

А. С. Пушкин, «Моя родословная»

В феврале 1613 года в Успенском соборе Кремля начался Земский собор – можно сказать, что начало трехсотлетнему правлению династии Романовых было положено именно в этом древнем православном храме, находящемся в самом сердце Москвы. Белокаменный собор был возведен итальянским зодчим Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 годах, при Иване III. На сегодняшний день Успенский собор является старейшим московским зданием, пережившим многочисленные пожары Первопрестольной (и даже 1812 год).

А на тот момент Успенский собор был еще и самым большим зданием, способным вместить в себя всех участников собрания. Число приехавших в Москву делегатов из всех городов и весей России до сих пор служит предметом спора: называются цифры и в 800, и 1000, и даже 1500 человек. Представители самых разных земель и сословий разоренной смутой страны собирались на собор долго, сроки его начала неоднократно переносились.

Как пишет Ключевский: «Вожди земского и казацкого ополчения князь Пожарский и Трубецкой разослали по всем городам государства повестки, призывавшие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского совета и государственного избрания. В самом начале 1613 г. стали съезжаться в Москву выборные всей земли... Это был первый бесспорно всесословный земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей. Когда выборные съехались, был назначен трехдневный пост, которым представители Русской земли хотели очиститься от грехов Смуты перед совершением такого важного дела.

По окончании поста начались совещания»⁴.

День за днем сходились в Успенский собор его участники, чтобы из нескольких кандидатов выбрать одного-единственного-го, который своими качествами и авторитетом устроил бы всех, прекратив тем самым период губительного и разрушительного по своим последствиям междуцарствия.

Рассматривались разные претенденты – прежде всего, свои, представители древних боярских родов Голицыных, Куракиных, Мстиславских и даже Шуйских, один из которых уже успел побывать на московском троне. Рассчитывал на престол и снискавший в народе популярность вождь народного ополчения князь Дмитрий Пожарский.

Нашлись и те, кто предлагал официально отдать шапку Мономаха иноземцам, в частности сыну польского короля Сигизмунда – королевичу Владиславу, или наследнику шведского престола – королевичу Карлу Филиппу. Но подобное предложение вряд ли могло найти поддержку у Земского собора, собравшегося в буквальном смысле на пепелище истерзанной иностранной интервенцией страны. Только-только выгнали из Кремля засевших там поляков, а тут нуте-ка: они опять могли вернуться в царские покои, но уже вполне на законных основаниях.

Заседания в Успенском соборе продолжались, «но выбрать и своего природного русского государя было нелегко, – подчеркивает Ключевский, – памятники, близкие к тому времени, изображают ход этого дела на соборе не светлыми красками. Единомыслия не оказалось. Было большое волнение; каждый хотел по своей мысли делать, каждый говорил за своего; одни пред-

---

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. М. 2006. С. 373.

лагали того, другие этого, все разноречили; придумывали, кого бы выбрать, перебирали великие роды, но ни на ком не могли согласиться и так потеряли немало дней. Многие вельможи и даже невольможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями... Соборные происки, козни и раздоры совсем не оправдывали благодушного уверения соборных послов. Собор распался на партии между великородными искателями... При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой. В то время как собор разбивался на партии, не зная, кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим «писания», петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов Северской земли и даже от казаков; последние и решили дело. Видя слабосилие дворянской рати, казаки буйствовали в освобожденной ими Москве, делали, что хотели, не стесняясь временным правительством Трубецкого, Пожарского и Минина. Но в деле царского избрания они заявили себя патриотами, решительно восстали против царя из чужеземцев, намечали, «примеривали» настоящих русских кандидатов, ребенка, сына вора тушинского, и Михаила Романова, отец которого, Филарет, был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго.

Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество. Это неожиданное согласие отразилось и на соборе. В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М.Ф. Романов, а потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского. Письменное мнение галицкого городского дворянина раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его кн. Д.М. Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», – отвечал атаман. Этот атаман будто бы и решил дело: «прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», – как свидетельствует один бытописатель. Михаила провозгласили царем. Но это было лишь предварительное избрание, только наметившее соборного кандидата. Окончательное решение предоставили непосредственно всей земле. Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа, кого хотят государем на Московское государство. Народ оказался уже достаточно подготовленным. Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала и до велика, та же мысль: быть государем М.Ф. Романову, а опричь его никак никого на государство не хотят. Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом. В торжественный день, в неделю православия, первое воскресенье великого поста, 21 февраля 1613 г., были назначены окончательные выборы. Каждый чин подавал особое письменное мнение, и во всех мнениях значилось одно имя – Михаила Федоровича. Тогда несколько духовных лиц вместе с боярином посланы были на Красную площадь, и не успели они с Лобного места спросить собравшийся во множестве народ, кого хотят в царя, как все закричали: «Михаила Федоровича»⁵.

Таким образом, еще одним важнейшим историческим местом, связанным с избранием Романовых на царство, стала Красная площадь, где и собрался в ожидании решения Земского собора московский люд. Участник происходивших исторических событий Авраамий Палицын так описал события на Красной площади: «Заутра же снисходяся митрополиты и архиепископы и епископы и весь освященный собор и бояре и воеводы и весь царьский синьклит и, советовавше, избирая царем государем на все Московское государство благоверного и бла-

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 374.

городного великого государя Михайла Федоровича и о избрании его царском тако же написаша. Потом же посылают на Лобное место Рязанского архиепископа Феодорита, да Троицкого келаря старца Авраамия, да Новово Спасского монастыря архимандрита Иосифа, да боярина Василья Петровича Морозова. И послаша их на Лобное место к вопрошению всего воинства и всего народа о избрании царском. Собрану же тогда к Лобному месту всему сонму Московского государства бесчисленно множество народа всех чинов, дивно же тогда сотворися. Неведущим народом, чесо ради собрани, и еще прежде вопрошения во всем народе, яко от единех уст вси возопиша: «Михаил Федоровичь да будет царь и государь Московскому государству и всеа Руския державы»⁶.

Теперь оставалось сообщить о результатах собора самому избраннику, находившемуся в это время в Ипатьевском монастыре на Костромской земле (куда так стремились добраться польские интервенты, взявшие себе в провожатого Ивана Сусанина). Для этого снарядили представительную делегацию. Но прибывшие в Ипатьевский монастырь участники Земского собора не сразу смогли уговорить шестнадцатилетнего Михаила Федоровича и его мать Марфу Ивановну смириться с неожиданно выпавшей на их долю честью.

Поначалу Михаил Федорович принялся было отказываться, заявив послам, что царем быть не хочет. Мать будущего царя объяснила: «Сын мой в несовершеннолетних летах, и люди Московского государства измалодушествовались, прежним государям – царю Борису, Лже-дмитрию и Василию Шуйскому присягали и потом изменили; кроме того, Московское государство разорено вконец: прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели; и будущему царю чем служилых людей жаловать, свой двор содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в плену у польского короля, который, узнавши об избрании сына, отомстит за это на отце»⁷.

В ответ на это послы успокоили, заявив, что «избран Михаил по Божьей воле, а три прежних государя садились на престол по своему желанию, неправо, отчего во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, грозили, что в случае отказа Бог възыщет на нем окончательное разорение государства; наконец Марфа, инокия (Ксения Иоанновна) Марфа Ивановна благословила сына принять престол», – отмечал Соловьев⁸.

Особо отметим в этих словах историка саму суть событий, сделавшую их судьбоносными: Михаил Федорович был *избран* на царский престол, а его предшественники сами *занимали* его.

Итак, Михаилу Федоровичу Романову суждено было стать, как говорили тогда, первым избранным «природным царем». И как бы ни упрекали его сторонников в применении так распространенных сегодня административных технологий (а, судя по Ключевскому, технологии эти активно распространены были во все времена), главным итогом исторических заседаний в Успенском соборе стало официальное прекращение Смуты и долгожданное начало мирного, поступательного развития страны. Хотя до мира было еще далеко – шла война с Польшей и Швецией.

И вновь главные события восхождения Романовых на трон произошли на Красной площади – здесь, у Спасских ворот древнего Кремля, в мае 1613 года одолевший Смуту русский люд встречал крестным ходом юного царя Михаила Романова.

А 11 июля 1613 года (именно на эту дату указывает Соловьев), удобный и правым, и левым, боярский сын Михаил Романов был венчан на царство в Успенском соборе. Кстати, во время коронации первую царскую регалию – шапку Мономаха – держал в руках дядя царя, тот

⁶ Сказание Авраамия Палицына. СПб. 1909. С. 151.

⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 375.

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 2005. С. 315.

самый Иван Каша, один из двух уцелевших в результате годуновских репрессий братьев Романовых. В дальнейшем при Михаиле Федоровиче Иван Каша отвечал в государстве за внешнеполитические вопросы.

Как происходила коронация, читаем у Палицына: «Возведен же бысть благородный благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий князь Михаил Феодорович всея Руси самодержец на великий и превысочайший царьский его престол Московского государства и многих государств Росийския державы во вселенстей велицей церкви Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, честного и славного Ея Успения (имеется ввиду Успенский собор – А.В.); венчан бысть рукою пресвященнаго Кир Ефрема,

Божиею милостию митрополита Казаньскаго и Свиязскаго, в лето 7121-е (1613 год – А.В.).

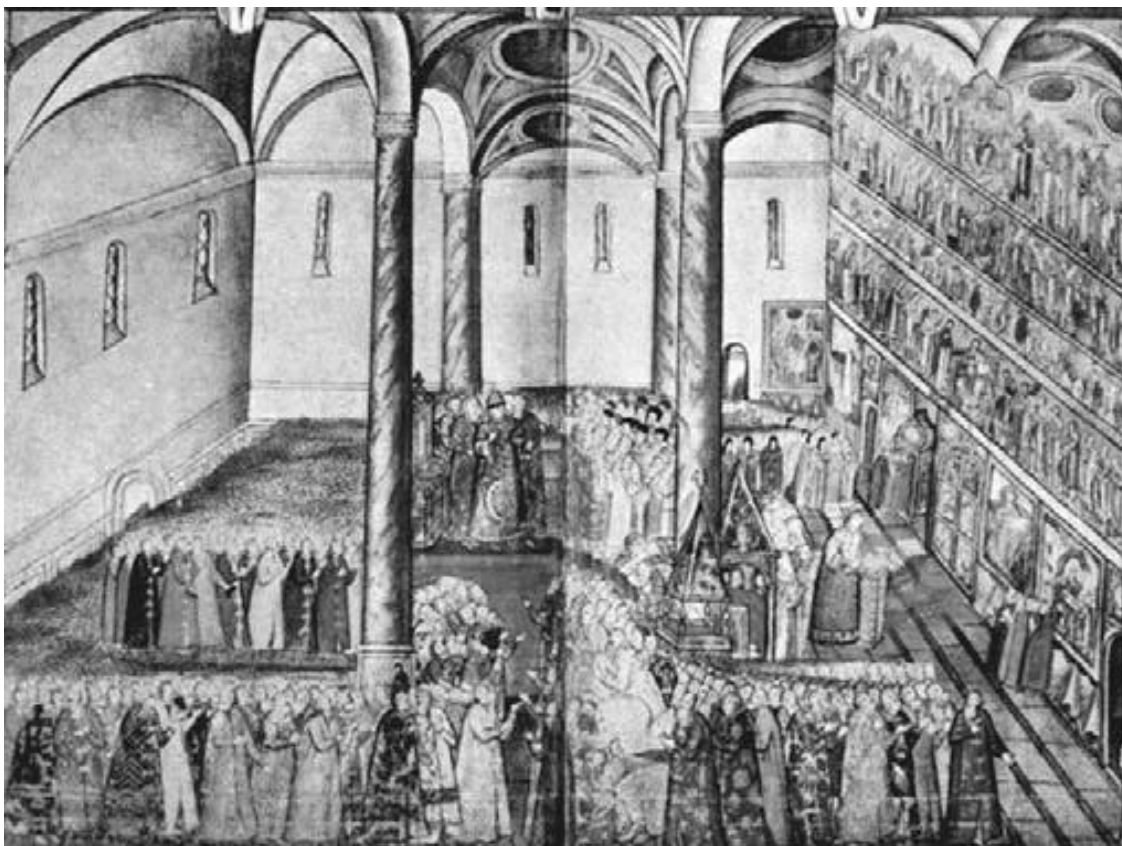
И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева матерня помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея великия Росиа самодержец на своем на царьском столе Московского государства, восприим скипетр Росийския державы многих государств»⁹.

Отныне Кремль навсегда будет крепко связан с царской династией Романовых. И если Успенский собор символизирует начало царствования, то Архангельский собор станет местом их упокоения, вплоть до Петра II (все самодержцы после него найдут свое последнее пристанище в соборе Петропавловской крепости).

А Михаилу Федоровичу суждено было править государством до 1645 года и остаться в памяти потомков кротким и милостивым государем. Первому царю из династии Романовых удалось многое: восстановить страну после тяжелейшей Смуты и междоусобицы, дать отпор очередным иноземным захватчикам, вернуть ряд исконно русских земель. И, наконец, главными итогами правления Михаила Романова стало укрепление российского самодержавия и централизация власти, недаром его царская печать украсилась изображением короны, увенчанной орлиными головами. Скончался царь в 1645 году в Кремле, сорока девяти лет от роду.

---

⁹ Сказание Авраамия Палицына. СПб. 1909. С. 163.

*Коронация Михаила Федоровича в Успенском соборе Кремля.
Гравюра XVII века*

Избрание Михаила Федоровича Романова (Послы московские умоляют его в Троицком соборе Ипатьевского монастыря принять корону). Худ. А.Д. Кившенко

Родовые палаты Романовых на Варварке

А родился первый царь из династии Романовых неподалеку от Кремля – в родовом гнезде семьи – боярской усадьбе в Зарядье, или «За рядами», как говорили в Москве. Сегодня от усадьбы остались лишь белокаменные палаты на Варварке (дом № 10). Когда-то в конце XV века усадьба принадлежала деду Михаила Романова – боярину Никите Романову. Обширный боярский двор попал даже на карту Москвы 1613 года.

Интересна история палат: они неоднократно страдали от больших московских пожаров, но все же так или иначе сохранились до нашего времени, приобретя статус музея более полутора веков назад.

Палаты Романовых – одно из тех немногочисленных мест в России (наряду с Ипатьевским монастырем и родовой усыпальницей в Новоспасском монастыре), которые стали для них родовыми святынями.

Поскольку резиденцией молодого царя стал Кремль, то усадьбу с 1613 года на Варварке стали именовать не иначе как «Старый государев двор, что на Варварском крестце или у Варвары-горы». Разбушевавшийся в мае 1626 года пожар не пощадил Москвы, огонь охватил и Государев Двор. Тем не менее после предпринятой переписи уцелевших строений выяснилось, что осталась «церковь древняя, двор, строение бояр Романовых»¹⁰. Под древней церковью подразумевался храм Знамения Пресвятой Богородицы.

Новый этап жизни усадьбы Романовых начался в 1629 году, когда по случаю рождения наследника престола – будущего самодержца Алексея Михайловича, был основан Знаменский монастырь, хотя ряд источников утверждают иное: обитель возникла в 1631 году в память о безвременной кончине матери царя, инокини Марфы Ивановны, в миру великой государыни Ксении Иоанновны Романовой. Так или иначе, своим указом Михаил Федорович отказал вновь учрежденному монастырю и Старый государев двор, и приписанные к нему угодья и земли. Вскоре, помимо усадебных строений, обитель приросла и новыми каменными зданиями, кельями и больницей.

Не только первый царь из династии Романовых немало поспособствовал расцвету монастырской жизни, но и его родня. Монастырь богател пожертвованиями представителей царской семьи. По большим праздникам отмечавшие обитель своим присутствием царь с боярами в сопровождении патриарха непременно выстаивали церковные службы – вечерни, всенощные, обедни. Как пишет М.И. Пыляев: «Перед праздником на Сытном дворе наливалась в монастырь лампада воску. От монастыря в этот день подносились иконы Знамения Богородицы со святою водою в вощанках всем членам царской фамилии, патриарху и именитым боярам»¹¹.

Именно к царю Алексею Михайловичу обратился с просьбой о помощи после опустошительного московского пожара 1668 года игумен Арсений: «Бьют челом богомольцы твои Знаменского монастыря, что на вашем Государевом старом дворе твое царское богомолie – монастырь – выгорел со всеми монастырскими службами и с запасем, на церквах кровли обгорели и ваше государское старинное строение – палаты – от ветхости и от огня развалились, а нам, богомольцам твоим убогим, ныне построить нечем; место скудное; погибаем вконец»¹².

Вскоре заново отстроили новый пятиглавый собор, а также и палаты, а вместо деревянного частокола сложили каменную ограду. Однако серьезное влияние на долговечность монастырских построек оказывали специфические природные условия, недаром еще в XV веке это

---

¹⁰ Щуцкая Г.К. Палаты бояр Романовых. М. 2006. С. 15.

¹¹ Пыляев М.И. Старая Москва. СПб. 2005. С. 438.

¹² Пыляев М.И. Указ. соч. С. 440.

место называли Псковской горой. Для усиления слабого грунта фундамент и собора, и палат укрепляли дубовыми сваями. Монастырь нуждался в периодическом обновлении.

«В царствование императора Петра Знаменский монастырь претерпел многие невзгоды; в это время слабость грунта и косогор оказали свое действие на каменные здания и ограду монастырскую. Крыши тоже разрушились. Вдобавок в 1704 году сюда поместили колодников и арестантов с солдатами, в кельях у задних ворот. Последние криком и прошением милостыни отгоняли богомольцев от монастыря; к довершению бед последовавший в 1720 году указ о каменных мостовых вконец разорил этот монастырь, окруженный со всех четырех сторон улицами; имея еще в городе, за Москвою-рекою, землю, он должен был вымостить более 500 квадр. саж. Троицкий пожар 1737 года, испепеливший большую и лучшую часть Москвы, нанес также немалый вред монастырю»¹³.

В дальнейшем, однако, внимание Романовых к родовому гнезду ослабло, чему способствовал и перенос столицы в Санкт-Петербург сыном Алексея Михайловича, царем Петром Алексеевичем. Правда, дочь Петра I Елизавета в 1743 году, вскоре после восшествия на трон, приказала помочь монастырю в обновлении его хозяйства и восстановить родовые палаты Романовых.

Несмотря на утрату Москвой столичных функций, все новые самодержцы продолжали приезжать в Первопрестольную, чтобы венчаться здесь на царство. В августе 1856 года в Москву на коронацию вместе со всей августейшей семьей приехал Александр II. Как и первый царь из династии Романовых, венчался на царство новый монарх в Успенском соборе Кремля. Здесь он был наделен священными реликвиями – державой и скипетром, а восседал государь на троне из слоновой кости, сделанном еще для Ивана III¹⁴.

Первопрестольная была для Александра II родным городом, чего не скажешь о его предшественниках – последней уроженкой Москвы на царском престоле до него была Елизавета Петровна, родившаяся в подмосковном тогда селе Коломенском.

Нельзя отрицать то особое отношение Александра II к Москве, которое жило в его душе. И неслучайно наряду с присущими коронациям благими делами (отмена рекрутской повинности на три года, прощение недоимок, амнистия декабристов и других осужденных) Александр Николаевич решил посетить и родовое гнездо Романовых на Варварке. Хотя, учитывая, сколько пришлось пережить этим палатам, признаков мемориальности в них практически не осталось. И кто там только не жил за долгие годы – и монахи, и грузинский митрополит Афанасий, и купцы-арендаторы, и даже греки-торговцы. И каждый из жильцов переделывал устройство здания на свой лад.

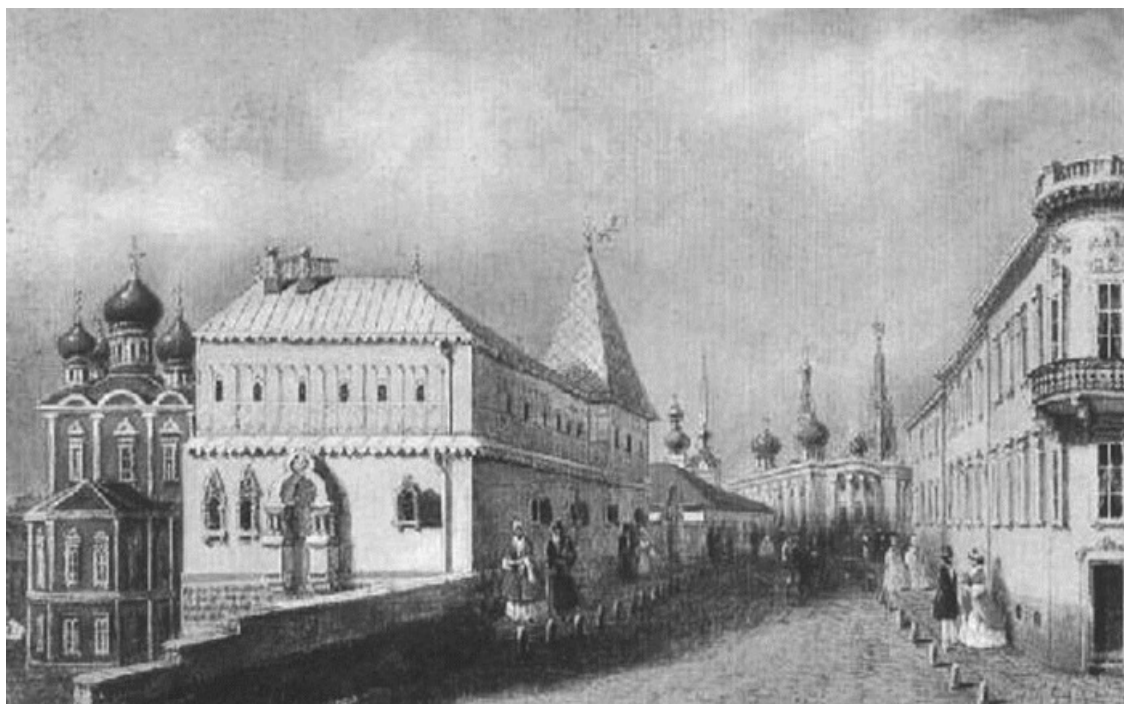
---

¹³ Там же. С. 440.

¹⁴ Коронационный сборник («Коронованы в Москве. 14 мая 1896 года») // Под редакцией В.С. Кривенко. СПб. 1899. Том I. С. 247.

Поздравления, приносимые его величеству императору Александру II членами императорской фамилии после совершения коронования 26 августа 1856 года. Худ. МА. Зичи

Улица Варварка, 1-я половина 19 века. Неизв. худ.

Приехав на Варварку, Александр II обратил внимание на плачевное состояние палат, приказав отреставрировать их, что и было осуществлено в 1857-1858 годах, а в 1859 году здесь при непосредственном участии царя был открыт музей «Дом бояр Романовых».

Вот как было обставлено начало работ по восстановлению палат: «В 1858 году августа 31-го начали возобновлять прародительскую палату бояр Романовых, находящуюся на углу монастыря по Варваринской улице и Псковской горе. На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет с напрестольным крестом в руке – вкладом матери царя Михаила, великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сенью хоругвей оба иеромонаха держали в руках храмовой образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моление Михаила Федоровича.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Снегиревым были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронования государя, – год, в который повелено возобновить Романовскую палату; А. Вельтманом – золотые и серебряные монеты 1858 года, в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; г. Кене – золотые и серебряные монеты времен царя Михаила Федоровича, в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом, архитектором А.А. Мартыновым – серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22 августа 1859 года, и она освящена в этот же день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемые в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье, с людскою, кладовою, приспешнею или поварнею; третий, средний этаж, или житье с сенями, девичьею, детскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица. Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает висячее крыльцо, или балкон, глядельня. Над ним в клейме – герб Романовых; под ним в нише – надпись на камне, начертанная уставною вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка»¹⁵.

---

¹⁵ Пыляев М.И. Указ. соч. С. 444.

Палаты Романовых в 1883 году

Измайлово: «Как знаменита была когда-то эта вотчина!»

В тяжелом, кроваво-красном 1918 году, еще находясь в Москве, Иван Бунин записал:
«В жаркий день, в конце апреля, ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича.

Выйдя за город, не знал, какой дорогой идти. Встречный мужик сказал: «Это, должно быть, туда, где церква с синим кумполом».

Шел еще долго, очень устал. Но весна, тепло, радость, – было удивительно хорошо. Увидел, наконец, древний собор, с зелеными главами, которые мужик назвал синими, – как часто называют мужики зеленое синим, – увидел весенний сквозной лес, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и храм Иоасафа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, узорами, зеленью глав, – в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков...

Теперь тут казармы имени Баумана. Идут какие-то перестройки, что-то ломают внутри теремов, из которых вырываются порой клубы известковой пыли. В храме тоже ломают. Окна пусты, рамы в них выдраны, пол завален и мусором, и этими рамами, и битым стеклом. Золотой иконостас кое-где зияет дырами – вынуты некоторые иконы. Когда я вошел, воробьи ливнем взвились с полу, с мусора, и усыпали иконостас по дырам и по выступам риз над ликами святых... А как знаменита была когда-то эта вотчина!»

Последнюю фразу Бунина мы вынесли в название и вот почему: сегодня, спустя четыре века с того исторического дня, когда первый самодержец из династии Романовых вступил на царский престол, нам остается лишь по крупицам воссоздавать образ Измайлова, ставшего в буквальном смысле колыбелью последней монархии России. Здесь возмужали Михаил Федорович и Алексей Михайлович, а Петр, совсем еще юный и невеликий, учился управлять найденным в местном амбаре ботиком. Анна Иоанновна собирала в Измайлове своих министров, а Елизавета Петровна охотилась в близлежащих лесных куцах. А внук Екатерины II, Николай I, основал здесь военную богадельню для ветеранов-участников Отечественной войны 1812 года...

Любим мы сравнивать себя с границей, причем не в свою пользу. И это мы у них переняли, и то. За что ни возьмись – везде сплошное преклонение перед Западом. Вот и с московскими усадьбами похожая ситуация. Про какое бы загородное имение русской знати ни шла речь, часто говорится, что это, мол, русский Версаль или русское Фонтенбло. И таких вот «Версалеи» в Москве и ее окрестностях просто гроздь. Начиная с Архангельского, продолжая Малыми Вяземами, да еще и многими другими, и заканчивая Вороновым, которое его владелец граф Федор Ростопчин самолично в 1812 году поджег. Называя ту или иную усадьбу «русским Версалем», подразумевают, как правило, что хозяин ее стремился все сделать на западный манер, подражая загородной резиденции французского короля Людовика XIV, прозванного современниками «Король-солнце». И совсем забывают, что и у нас когда-то был прекрасный образец для подражания, которому Версаль и Фонтенбло в подметки не годились – да, это и есть Измайлово, изумлявшее приезжавших в Россию иностранцев своим великолепием.

Было это в 1705 году, при Петре I. В Россию из границы вернулись московские послы во главе с ближним окольничим и Ярославским наместником Андреем Артемовичем Матвеевым. Своеобразным отчетом о поездке послужил «Архив, или Статейный список московского посольства, бывшего во Франции; из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день». Во многих городах и весях побывали московские послы. Видели Париж, Версаль, Фонтенбло.

И вот что находим мы в этом отчете: «Описание королевскому селу Фонтенбло. Сие село Фонтенбло и его место зело подобно есть селу Измайлову его царского величества, что близ Москвы, кроме гор каменных. Дом королевской в овраге некоем имеет свое положение, состоящ во многих малых дворцах и неправильною архитектурою построенных, понеже в притычку делан один после другого. Ловитва (имеется в виду охота, от слова «ловить» – А.В.) есть лутчая красота сего села в лесу так стройном, бутто б нарочно насажденном, и столько дорог просечено, что не мочно верить, чтоб руки человеческие могли то зделать и выровнять. Соединение тех ловли дорог называют звезды, понеже таким видом учинены. В горах оных каменных множество кабанов, оленей и волков, что забавляет короля зело»¹⁶.

Московский посол, впервые увидев одну из резиденций французского короля, не ступив, а нашел с чем сравнить, причем сравнение это оказалось для Отечества нашего более чем лестным. Мол, и у нас есть не хуже...

И ведь что интересно: к созданию Версаля с Измайловым и Людовик XIV, и наш Алексей Михайлович приступили в одно время, в начале 1660-х годов. Но это лишь первое совпадение, которых в истории обеих резиденций немало. Вот еще одно – до того, как стать монаршими вотчинами, и Измайлово, и Версаль, использовались исключительно для охоты. Из непритязательных и небольших охотничьих палат и замков и выросли в результате долгих усилий многих людей царские поместья, поражавшие современников своим размахом и оригинальностью.

Во время своего царствования оба государя огромное значение уделяют превращению окружающей их дворцы природы в райское место, для чего разбиваются невиданные доселе по разнообразию сады, устраиваются новые пруды и водоемы. Для обеспечения достойной жизни монархов и в Измайлово, и в Версале внедряются новейшие технические новшества, используются лучшие методы организации и ведения хозяйства. Постепенно резиденции приобретают значение центра единоличной власти, где рождаются и объявляются важнейшие государственные решения и появляются на свет наследники престола.

Но если французский Версаль предстает сегодня во всей красе, воплощая историю французской монархии XVII–XVIII веков, то от русского Измайлова остались сущие крохи. И отмечаемый в этом году четырехсотлетний юбилей начала царствования династии Романовых – повод вспомнить и рассказать о том, как создавалось Измайлово, много лет служившее родовым гнездом Романовых.

Нет в Москве района, более тесно связанного с монархией Романовых, а значит и историей России, чем Измайлово. И хотя внимание царствующего дома к Измайлову, как и ко всей Москве, после переноса столицы в Санкт-Петербург несколько поубавилось, каждый русский самодержец считал своим долгом приезжать сюда, так или иначе способствуя продолжению его славной истории.

Сам факт существования Измайлова, то, что название это не сгнуло во тьме веков, а сохранилось поныне и обозначает сегодня один из привычно-московских районов, имеет огромное значение. Ведь до сих пор живет немало версий происхождения его названия – то ли от имени, то ли от фамилии владевшего в давние времена этими землями боярина, а быть может, и от пришлых людей, переселившихся сюда когда-то.

Для нас же в связи с отмечаемым юбилеем значение Измайлова заключается в том, что оно символизирует преемственность перехода власти от Рюриковичей к Романовым. Ведь еще до воцарения Романовых, в 1571 году, Измайлово было подарено самим Иваном Грозным своему «сродственнику», боярину Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву.

В тот год, когда Никита Захарьин-Юрьев стал владельцем Измайлова, Москва пережила опустошительное по своим последствиям нападение татар и нагайцев под предводительством хана Девлет-Гирея. Это был печально известный Крымский поход на Москву 1571 года, после

¹⁶ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л. 1972. С. 73.

которого Иван Грозный и озаботился необходимостью строительства стены, опоясывающей Белый город.

Именно потомки Никиты Романовича Захарьина-Юрьева и стали писаться как Романовы. И уже после его смерти в 1586 году Измайлово перешло к сыну – Ивану Никитовичу Романову, тому самому, которому Лжедмитрий I дал прозвище Каша.

Иван Каша поставил в Измайлове деревянную трехшатровую церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, при нем владение приросло и близлежащими землями. К 1623 году в Измайлове стояли боярский двор, охотный двор, 5 дворов нищих и 10 крестьянских и бобыльских дворов (29 человек). А к 1646 году в селе насчитывалось уже 32 крестьянских двора¹⁷.

Умер Иван Каша в 1640 году, после чего Измайлово отошло к его третьему сыну Никите Ивановичу Романову, которого принято считать последним представителем нецарственной линии Романовых.

Своими пристрастиями в жизни Никита Иванович Романов чем-то был похож на Василия Васильевича Голицына, фаворита царицы Софьи и приверженца всего иноземного. Дом Никиты Романова был наполнен диковинками – огромными глобусами, часами с несколькими циферблатами, редкими фолиантами. Отличие лишь в том, что своими привычками он удивил современников гораздо раньше Голицына. К тому же, число приезжающих в Москву иноземных гостей при новом царе (с 1645 года) Алексее Михайловиче только увеличилось. В Россию приезжали и ученые, и врачи, и строители, и купцы, и, конечно, дипломаты.

Адам Олеарий писал: «В Москве живет некий князь по имени Никита Иванович Романов. После царя это знатнейший и богатейший человек, к тому же он близкий родственник царя. Это веселый господин и любитель немецкой музыки. Он не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам. Поэтому он велел не раз шить для них польское и немецкое платье, а иногда и сам, ради удовольствия, надевал его и в нем выезжал на охоту, несмотря на то, что патриарх возражал против подобного одевания. Боярин этот, впрочем, иногда и в религиозных вопросах, как кажется, сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко, но упрямо.

Впрочем, патриарх в конце концов все-таки хитростью выманил у него костюмы и добился отказа от них»¹⁸.

Поясним рассказ голштинского посла: Никита Иванович Романов не только сам носил иноземные наряды, но и своих слуг одевал в оные. Однажды патриарх испросил у него один из нарядов, якобы для того, чтобы обрядить в него своего слугу. Получив костюм, патриарх приказал изрезать его на куски, добиваясь тем самым от Романова отказа от ношения подобной одежды.

При Никите Ивановиче Измайлово расцвело. С удивлением смотрели не только свои, но и иностранцы на устроенное Романовым охотничье хозяйство в Измайлове, говоря, что и в Версале такого не видывали. Специальные люди и собак на зверей мастерски натаскивали (бульдогов, гончих и прочих пород), и «Волчий двор» содержали – с лисами, зайцами, медведями и кабанами. Часто бывал в охотничьих угодьях своего дяди и молодой царь Алексей Михайлович, ставший позднее страстным охотником.

Для плавания по здешним рекам Никита Иванович заказал у аглицких купцов ботик – тот самый, что впоследствии обнаружит здесь в льянном амбаре юный Петр I. Вот как он сам расскажет об этом: «Случилось нам быть в Измайлове, на льянном дворе, и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил Франца Тимермана, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях, для езды и возки.

---

¹⁷ Аверьянов К.А. История московских районов. М. 2010. С. 304.

¹⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск. 2003. С. 111.

Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами (понеже видел его образом и крепостию лучше наших)? Он мне и сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно»¹⁹.

Назывался ботик «Святой Николай». Чтобы привести его в плавающее состояние нашли старика голландца Карштен-Бранта, товарища корабельного пушкаря. Этот-то пушкарь и починил ботик, способный плавать против ветра, поставив на нем мачту и парус. И Петр стал учиться управлять первым в его жизни судном на Яузе. Однако вскоре и эта река для амбициозного молодого царя стала мала. И ботик вновь вернули в Измайлово, на Просвяной пруд: «Но и там немного авантажу сыскал, – напишет Петр позднее, – а охота стала от часу быть более».

Этот ботик, по праву названный «дедушкой русского флота», выставлен сегодня в залах Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге.

Во время Соляного бунта 1648 года Никита Романов выступил своего рода посредником между собравшейся в Кремле разъяренной толпой и царем Алексеем Михайловичем. Народ требовал выдать на расправу виновников-корыстолюбцев, стяжателей, набивших себе карман за счет непомерного роста налогов на соль.

Адам Олеарий вспоминал: «Его царское величество выслал своего двоюродного брата великого и достохвального вельможу Никиту Ивановича Романова, которого народ, ради доброй его славы, очень любил; он должен был попытаться смягчить обозленные умы и восстановить спокойствие. С обнаженной головою он вышел к народу (который отнесся к нему весьма почтительно и называл его отцом своим) и трогательно изложил, как его царское величество горестно ощущает все эти бедствия, тем более что он ведь в предыдущий день обещал народу прилежно рассмотреть все эти дела и дать им милостивейшее удовлетворение. Он сообщил; что его царское величество вновь велит все эти свои слова повторить, и обещает все сделать для народа, и, несомненно, сдержит свое обещание; поэтому они могли бы тем временем успокоиться и хранить мир. На это народ ответил: они очень довольны его царским величеством, охотно готовы успокоиться, но не раньше как его царское величество выдаст им виновников этого бедствия, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, чтобы эти лица, на глазах у народа, понесли заслуженную кару. Никита поблагодарил за ответ и за то, что они хранят верность его царскому величеству, и высказался в том смысле, что можно согласиться с ними и должным образом доложить о требовании ими этих трех лиц. Он, однако, поклялся перед ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нет в Кремле, а что они бежали. Тогда они просили, чтобы им в таком случае немедленно выдали Плещеева. Никита затем попрощался с народом и поехал обратно в Кремль. Из Кремля вскоре получено было известие, что его царское величество постановил немедленно выдать Плещеева и согласился на казнь его на глазах народа; если же найдутся и остальные, то пусть и с ними будет поступлено по справедливости. Приказано было доставить на место палача для казни. Народ, не мешкая, привел поспешно к воротам палача с его слугами, и они тотчас же были впущены»²⁰.

В итоге выданного народу Плещеева растерзали тут же, не успев его даже довести до лобного места. Авторитет Никиты Ивановича еще более укрепился в глазах и народа, и его царя.

Никита Иванович Романов по своей смерти от чумы в 1654 году детей не оставил, а посему за отсутствием прямых наследников Измайлово перешло в Приказ Большого дворца как выморочное имение, иными словами, в казну. И царь Алексей Михайлович, с юности прикипевший к Измайлову, задумал превратить его в город-сад.

---

¹⁹ Веселаго Ф.Ф. Дедушка русского флота. 1688–1832 // Русская старина. 1871. -Т. 4. – № 11. С. 464–465.

²⁰ Олеарий А. Указ. соч. С. 113.

Михаил Пыляев пишет: «Окрестности Москвы славились своими садами и питомниками плодовых деревьев. Так, в родовой вотчине Романовых, селе Измайлове, сад был известен своими лекарственными и хозяйственными растениями. Вдоль по берегу речки Серебровки, против деревянного дворца на тридцать три сажени простирался «регулярный сад», от которого лишь следы – кустарники шиповника, барбариса, крыжовника и сирени. Позади дворца также был насажен царем Алексеем Михайловичем «виноградный сад» на пространстве целой версты, где разводились лозы виноградные, также росли разных сортов яблони, груши, дули, сливы, вишни и другие заморские деревья. Еще в пятидесятых годах здесь цела была липовая аллея, саженная, по преданию, царем Алексеем Михайловичем, под тенью которой любил гулять в юности Петр I со своими наставниками. Впоследствии там существовал вокзал (вокзалами в 18 веке называли помещения для увеселений и концертов – А.В.), где бывали в былое время блистательные собрания. Измайловские сады служили рассадниками для других садов в России; из них плоды доставляемы были для государева обихода, а целебные травы и корни посылались в Аптекарский приказ, остальные поступали в продажу.

В садоводство Измайлова входило и хмелеводство; там разводился лучший хмель на косогорах и близ протоков. Хмельники ежегодно доставляли от 500 до 800 пудов хмелю не только для дворцовой пивоварни, но и на продажу. Цветущие луга, сады и огороды в Измайлове способствовали и размножению пчеловодства. В 1677 году они доставили 179 пудов меду и столько же воску»²¹.

А еще Алексей Михайлович надеялся акклиматизировать на московских землях исключительно теплолюбивые культуры – в оранжереях и парниках произрастали тутовое дерево, виноград, грецкий орех, арбузы, финиковое дерево, миндаль, астраханский перец, и кавказский кизил, и даже хлопок, называемый бумажным деревом. Свои селекционные опыты государь проводил в разбитых в Измайлове садах, каковых насчитывалось не менее 15!

Грушевый, Сливовый, Вишневый сады. Что только в Измайлове не росло – лучше спросить, чего не было. Традиционным был Аптекарский сад, поставлявший лекарственные растения к царским лекарям. А в увеселительном саду «Вавилон» немудрено было и заблудиться – его разделял лабиринт дорожек, в котором чуть было не запутал курляндский дипломат Рейтенфельс. А Просовый и Виноградный сады украшали помимо самих зеленых насаждений еще и художественные росписи. Развлекали царя Потешный и Островной сады. Диковенным был еще один сад – Тутовый. Правда, из идеи выведения тутового шелкопряда так ничего и не вышло. За что некоторые историки до сих пор ругают Алексея Михайловича.

Вот, в частности, один из доводов, с которым хочется поспорить: «Царь, имея склонность к экспериментаторству и по-детски любя всё «диковинное», пытается завести в подмосковном хозяйстве многие южные растения, в том числе даже виноград, даже хлопчатник и даже тутовое дерево. Разумеется, затеи эти провалились – не желали расти в Подмоскovie такие культуры, как арбузы шемахинские и астраханские, финиковое дерево, миндаль и дули венгерские. Однако царь был на редкость упрям в своих начинаниях и до конца жизни мучил подчиненных своими «проектами». Все это весьма похоже на затеи избалованного барчука-«недоросля», которому ни в чем не отказывают. Мысль завести шелководство под Москвой не дает царю покоя. Садовнику-немцу Индрику царь предлагает совершить «дело наитайнейшее» – привить на яблоне «все плоды, какие у Бога есть». Озадаченный садовник врать не стал: «Все плоды, государь, невозможно привить». Но царь был, как известно, упрям и приказал приступить к тайному эксперименту»²².

Дело было, конечно, не в эксперименте и не в «детскости» царя. Судя по всему, Алексей Михайлович надеялся превратить производство шелка (его в Россию привозили из-за гра-

²¹ Сад и огород Алексея Михайловича // Наука и религия. – 2011. – № 11. С. 37.

²² Кожурин К. Протопоп Аввакум. М. 2011. С. 140.

ницы) в одну из доходных статей государственной казны, как и выведение других, мало популярных до той поры, сельскохозяйственных культур. Ведь экономическое положение в стране оставляло желать лучшего – Медный бунт да война с Польшей обескровили Россию.

Что же касается прививки яблонь, то тут сказала редкая набожность царя, для которого яблоня была особым деревом, библейским символом древа познания добра и зла. А Яблочный спас всегда являлся для Алексея Михайловича особо почитаемым праздником. Поэтому яблоневые сады благоухали по всей Москве, начиная с Кремля, и, конечно, в Измайлове. Большое внимание уделяли и выведению новых сортов.

Что же до набожности государя, то в искусстве поститься и молиться он мог потягаться с любым иноком: в постные недели он ел один раз в день, и притом капусту, грузди да ягоды. А в иные дни и вовсе и не пил, и не ел. По шесть часов кряду отстаивал он в церкви, отмеривая по полторы тысячи земных поклонов. «Это был истовый древнерусский богомолец, стройно и цельно соединявший в подвиге душевного спасения труд телесный с напряжением религиозного чувства», – оценивал государя Ключевский²³.

Еще одним «священным» плодом был для Алексея Михайловича виноград, который в его монаршем сознании был связан с образом Иисуса Христа. Интересный факт – в 1665 году в Измайлове посадили виноградные кусты, привезенные в Москву садовником из Астрахани Василием Никитиным. Прошло несколько трудных лет, а точнее, суровых зим, и вот, на радость царю, цепкие лозы благословенного и укоренившегося винограда обвили беседки в одном из измайловских садов, ставшем отселе Виноградным. Так и зародился на Москве этот южный фрукт.

Трудно приживался виноград в России. Но, несмотря на очевидные трудности, Алексей Михайлович не оставлял затеи с его повсеместным разведением. По задумке думного дьяка Аверкия Кириллова, заменой теплолюбивому винограду должен был послужить крыжовник, прозванный северным виноградом. И все-таки в иные года урожай винограда в Измайлове был неплохим, из него даже делали местное вино.

А какие были в Измайлове цветники! Не хуже, чем в Версале и Фонтенбло. Помимо тех цветов, что росли в нашей среднерусской полосе, разводили и тюльпаны, и лилии, и гвоздики. Для этой цели опять же пригласили голландских цветоводов. Получался прямо-таки Ботанический сад. Обширные и густо засаженные, яркие цветники обрамляли фонтаны с фигурами причудливых зверей, из пасти которых била вода.

Измайлово превратилось в любимую летнюю резиденцию Алексея Михайловича, куда царь привозил иностранцев продемонстрировать успехи отечественного сельского хозяйства. «При Алексее Михайловиче Измайлово славилось как обширная и благоустроенная сельскохозяйственная ферма. Для расширения пашни и сенокосов было расчищено много леса. На полях были устроены «смотрильни» – деревянные башни для наблюдения за работавшими на полях крестьянами», – пишет П. Сытин²⁴.

---

²³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 135.

²⁴ Сытин П.В. Из истории московских улиц. М. 2008. С. 201.

Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на ослиати. Худ. В.Г. Шварц, 1865 г.

Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы. Худ. Н.Е. Сверчков. 1873 г.

Осуществление перечисленных масштабных нововведений требовало привлечения немалого числа рабочих рук, для чего по повелению Алексея Михайловича началось переселение в Измайлово крестьян из разных уголков страны. Скотников привезли из Малороссии, садоводов с Нижнего Поволжья, льняников с Псковщины, а бахчеводов, выращивающих арбузы, из Астрахани.

Архивная справка трехсотлетней давности гласит: «Крестьяне свезены из многих дворцовых сел и волостей и из купленных вотчин, а иные браны у всяких чинов людей... а иные призваны были литовские выходцы, а иные браны для того, что служили во дворах у всяких чинов людей посадские тяглые люди и дворцовых сел крестьяне и крестьянские дети, а иные куплены»²⁵.

Где же селили такое число вновь прибывших? Для этого к Измайлову приписали близлежащие земли, в результате чего границы Измайловской вотчины в 1660-х годах простирались от современного Черкизова на севере до Кускова на юге. Вотчину предполагалось заселить 548 дворами пашенных крестьян и 216 дворами «торговых и ремесленных людей». Были даже составлены чертежи расположения дорог, о чем рассказывают сохранившиеся рукописные планы Измайловских владений, датированные второй половиной XVII века.

Но крестьяне не всегда оправдывали возлагаемые на них надежды. Немало переселенцев, толком не обосновавшись, наострило лыжи обратно: слишком тяжелым оказалось бремя освоения новых земель, не отличающихся особым плодородием. Почва здесь, на краю Мещерской низменности, была глинистой, с повышенной влажностью. Вот и уходили из Измайлова крестьяне целыми семьями. Статистики того времени подсчитали, что из 664 переселенных на измайловские земли крестьянских семей сбежало 481.

А ведь для таких разнообразных работ, намеченных Алексеем Михайловичем, требовались люди опытные – животинники, зверовщики, кожевники, сыромятники, виноградари, огородники, пасечники. По отзывам управляющих, «крестьяне, на работе чинятся непослушны». Вот и приходилось специально нанимать людей со стороны, причем задорого. Исследователи называют и имена иноземцев, живших и работавших в Измайлово: мельничный мастер Яков Янов, садовник Валентин Давид, художник Петер Энглис.

Вообще же Измайлово стало своеобразной выставкой достижений «народного хозяйства» России второй половины XVII века. На его территории демонстрировались не только результаты внедрения передовой аграрной науки, но и современные промышленные предприятия. Стекольный завод, производивший стекло высочайшего качества, соответствующее лучшим европейским образцам, не хуже венецианского, кирпичный завод, винокурня...

Здесь были диковинки не только фруктовые и ягодные, но и механические – «часового строения станок», машина для обмолота зерна водою, изобретенная мастером Андреем Криком, молотильные образцы которой делал часовщик Моисей Терентьев. В общем, было на что посмотреть и царю, и его гостям.

Бурный подъем сельского хозяйства в пределах отдельно взятой царской вотчины не затмил для Алексея Михайловича одной из самых главных забав в его жизни – охоты. По-прежнему богат на развлечения был Звериный двор Измайлова. Один из иноземцев изумлялся увиденными им «невероятной величины белым медведем, леопардами, рысями и многими другими животными, находящимися только для того, чтобы на них смотрели». А еще были здесь лоси, олени, туры. Алексей Михайлович любил приезжать в свой зверинец, чтобы посмотреть на борьбу медведя с собаками или даже с охотником с одной лишь рогатиной. Сегодня от Звериного двора остались лишь названия двух улиц и переулков Измайловского зверинца.

А «на протекавших по Измайлову речках – Измайловке (Серебрянке) и Пехорке – было выкопано около 20 прудов и поставлены водяные мельницы. Во всех прудах разводилась рыба (стерлядь, осетр, белуга и пр.). Были и специальные пруды, например, Пиявочный, в котором разводились пиявки для лечебных целей; Стекланный, обслуживавший стеклянный завод; Зверинецкий, обслуживавший зверинец. На Круглом пруду был остров, на котором Алексей Михайлович построил себе деревянный дворец, окруженный вдоль берегов пруда каменными стенами с башней-воротами. Кроме деревянных служб, внутри стен для обслуживания дворца

²⁵ Аверьянов КА. Указ. соч. С. 305.

и хранения припасов стояли 53 каменные палаты и было вырыто пять погребов»²⁶. А еще были Лебедянский, Олений и Собачий пруды.

Деревянный дворец да каменные палаты – это слишком скромное обозначение созданного в Измайлове архитектурного ансамбля, поражавшего современников своей красотой, ставшего воплощением честолюбивых замыслов переполняемого кипучей энергией царя Алексея Михайловича. Местом для строительства своей резиденции он избрал Измайловский остров, для чего была запружена местная речка Измайловка и создан большой Серебряно-Виноградный пруд вокруг острова.

Измайловский остров соединялся с остальной землей большим белокаменным мостом в четырнадцать пролетов, выстроенным в 1671–1674 годах. Мост был связан двумя башнями – на въезде и на выезде. Башня, находившаяся на острове, выполняла еще и функции колокольни Покровского собора. Башня-колокольня имела три этажа, внизу в караульне обитали стрельцы, а над ними была палата для заседаний Боярской Думы, по этой причине башню называли не только Мостовой, но и Думской.

Крестьян с острова выселили, дворы убрали, очистив, таким образом, землю под масштабное строительство. На острове был распланирован Государев двор, поделенный на две части – официальную и хозяйственную. Олицетворением первой стал деревянный царский дворец в три этажа, строительство которого началось в 1676 году и продолжалось в течение двух лет. Дворец состоял из семи отдельных срубов, объединенных между собой сенями и переходами. Как водилось на Руси, первый этаж был занят кухнями да кладовыми. Монаршие покои устроили на втором этаже – здесь обосновался сам Алексей Михайлович, царица Наталья Кирилловна (вторая жена, с 1671 года), царские дети.

Царь был не чужд и искусству живописи, а потому интерьер палат украшали полотна на библейские темы, из жизни древних царей Артаксеркса и Константина.

В хозяйственной части Государева двора находились службы, занимавшиеся бесперебойным обеспечением жизни царя и его семьи, наезжавших в Измайлово. Для этого выстроили палаты Сытного, Хлебного и Кормового дворов, угольную палату, вырыли погреба и обустроили ледники.

Покой и безопасность царской семьи охраняли стрельцы, обосновавшиеся в палатах, стоявших вплотную с Передними и Задними воротами Государева двора.

Измайлово украсилось и каменными храмами. При Алексее Михайловиче началось, а при его сыне Федоре Алексеевиче закончилось, возведение величественного Покровского собора Пресвятой Богородицы. По красивой легенде, царь задумал возвести собор в камне на месте прежнего деревянного по случаю рождения своего сына Петра в 1672 году. По одной из версий и сам преобразователь России также родился в Измайлове (его мать, царица Наталья Кирилловна, всем сердцем полюбила Измайлово).

Сохранившийся до нашего времени собор был возведен к 1679 году известным русским зодчим Иваном Кузнецником и костромскими каменщиками Григорием и Федором Медведевыми (тот же каменных дел мастер Кузнецник строил в Измайлове риги, мельницы и плотины, он же возвел по заказу царя и сохранившийся до нашего времени храм Григория Неокесарийского на Большой Полянке).

Перед строителями была поставлена следующая задача: «Сделать в старом селе Измайлове церковь каменную против образца соборных церквей, что в Александровской слободе, без подклетов длиною меж стен девять сажень, поперечнику тож, а вышина церкви и алтаря как понадобится, да кругом той церкви сделать три ступени как доведется, а делать нам то церковное каменное дело, как подмастерье укажет»²⁷.

---

²⁶ Аверьянов К.А. Указ. соч. С. 305.

²⁷ Аверьянов К.А. Указ. соч. С. 305.

Покровский (позднее Троицкий) собор Александровской слободы неслучайно служил образцом для зодчих, ведь слобода издавна была загородной резиденцией московских властителей – начиная с великого князя Василия III, не говоря уже об Иване Грозном. Но получился совсем иной собор, более похожий на Успенский, что в московском Кремле.

По оценкам искусствоведов, Покровский собор стал одним из самых грандиозных для своего времени. Уже одна его высота говорила о масштабе – почти 60 метров! А пять его огромных глав-луковиц издали указывали путь к царской резиденции. К созданию пятиярусного иконостаса собора привлекли мастеров из Оружейной палаты Кремля – Федора Зубова, Семёна Рожкова, Василия Познанского и Карпа Золотарева. Автор изразцов – Степан Полубес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.